

Четыре часа дня. Кафе. Внезапный ливень с силой барабанит по стеклянной стене, издавая пронзительный звук.

Внутри почти нет посетителей. Янь Хэцин сидит лицом к лицу с мужчиной в строгом костюме.

Мужчина в изумлении снова переспрашивает: “Ты не подпишешь?”

Небо стремительно темнело, в кафе зажгли свет. Мягкое оранжевое освещение легло на тонкие, изящные черты юноши, добавляя живости его бледному и худощавому лицу.

“Да”.

Янь Хэцин положил ручку и тонкой рукой подвинул договор обратно.

Услышав ответ, лицо мужчины немного изменилось. Он отодвинул стул и встал: “Я схожу в туалет”.

Не выдавая эмоций, он прихватил с собой телефон и вышел.

Янь Хэцин остался спокойным — он знал, что юрист сейчас будет связываться с Лу Мучи.

В тот момент, когда он уже собирался подписывать, в голове у него вдруг всплыли сцены из романа.

\*

Тёмная комната, в воздухе — резкий запах крови. Доктор с аптечкой заходит внутрь. Подобные сцены он видел чуть ли не каждый день, но в этот раз всё же нахмурился.

В углу, у стены, свернулась человеческая фигура — невозможно было понять, жив он или мёртв.

На банном халате Лу Мучи — брызги свежей крови. Слуга перевязывает ему указательный палец: он только что разбил бутылку об пол и случайно порезался. Видно, как его всё это раздражает.

“Он ещё жив?” — сквозь зубы бросает он: “Сходи, проверь”.

“Господин Лу”, — серьёзно говорит врач: “Я настоятельно рекомендую немедленно отправить его в больницу на полное обследование”.

Тут же вбегает другой слуга, держа сигареты и зажигалку. Лу Мучи берёт сигарету, закуривает. Слуга подносит огонь.

Он делает затяжку, потом медленно выдыхает дым прямо в лицо врачу: “Ты так о нём беспокоишься... что, он и тебя тоже соблазнил?”

Сегодня у него было паршивое настроение.

Он только что узнал секрет: его любимый... оказался влюблён в его родного дядю!

Чёрт!

Лу Мучи стиснул зубы до хруста.

Лицо врача моментально посерело. Ему уже за шестьдесят и это был первый раз, когда его так унизили. Он дрожал от злости, но не осмелился перечить этому малому дьяволу и, дрожащим голосом, склонил голову:

“Вы неправильно поняли. Я говорю исключительно как врач”.

Лу Мучи усмехнулся: “Твоя задача — лечить. Остальное не твоё дело. Даже если он умрёт — тебя винить не будут”.

Даже не взглянув на тело в углу, он раздражённо вышел из комнаты.

Доктор покачал головой и включил свет.

Комната озарилась светом и только тогда врач понял, что всё куда хуже, чем он думал.

Юноша был одет лишь в свободную белую рубашку, насквозь пропитанную кровью. Она едва прикрывала бёдра. Длинные, болезненно худые ноги были изрезаны и покрыты следами жестокого обращения...

Несколько старых ран, несколько новых.

Врач подошёл ближе, присел на корточки — так было видно яснее.

Чёрные волосы подростка были перепачканы кровью, спутались в пряди. Глаза крепко зажмурены, на длинных ресницах застыли кровавые капли. Губы изуродованы до такой степени, что на них страшно было смотреть, кое-где проглядывало вывернутое нежное мясо. На тонкой шее — один поперх другого кольца синяков.

Разве с таким ещё можно быть живым?..

Врач тихо позвал: “Ребёнок, ты слышишь меня?”

Только спустя долгое время подросток с трудом подал признаки жизни. Его губы пошевелились, голос был почти неразличим: “Воды...”

Врач долго пытался разобрать сказанное, и лишь потом понял, что тот просит пить. Он достал из сумки термос, намочил ватную палочку и осторожно поднёс её к губам мальчика.

Тот жадно потянул воду.

Прошла ночь. Раны подростка были обработаны, но он всё так же спал, свернувшись на полу.

За исключением определённых часов, ему не разрешалось входить в главный особняк — он мог находиться только в этой маленькой комнатке. Раньше тут хотя бы был плед, теперь и его не оставили.

Врач хотел что-то сказать, но не решился. Хотел уговорить подростка обратиться в полицию, но знал, что это бесполезно.

Семья Лу — всесильна, никто не смеет вмешиваться.

К тому же этот подросток по имени Янь Хэцин страдал тяжёлой формой синдрома Стокгольма — он даже не считал, что над ним издеваются.

Врач тяжело вздохнул.

\*

Оказалось, что всё происходящее — из романа о жестокой любви в жанре "данмэй".

Главный ущемляемый, пассив — его брат-близнец Линь Фэнчжи,

главный доминирующий, актив — тот, кто собирается содержать его сейчас, Лу Мучи.

А он — всего лишь замена, второстепенный персонаж.

В 5 лет он уступил Линь Фэнчжи шанс быть усыновлённым богатой семьёй.

В 18 — его взял на содержание Лу Мучи.

В 19 — он заболел синдромом Стокгольма и влюбился в Лу Мучи.

В 20 — Линь Фэнчжи внезапно заболел кератоконусом и ему пришлось пожертвовать глаза.

В 21 — он прикрыл Лу Мучи от машины, погиб в аварии.

Вся жизнь была расписана заранее: добрый, жалкий, униженный, погибший без могилы и покая.

Всего — 21 год.

\*

Сегодня — восемнадцатый день рождения Янь Хэцина. И как раз сегодня он должен подписать свой смертный приговор.

Лу Мучи безответно любил Линь Фэнчжи. Узнав, что Янь Хэцин похож на него внешне, он предложил ему содержание. Тот отказался — тогда Лу Мучи пошёл к его приёмным родителям.

Внезапное богатство свалилось им с неба и приёмные родители с радостью согласились. Поэтому сейчас он и сидит здесь.

Всё, что происходило в романе, полностью совпадало с жизнью Янь Хэцина на данный момент.

Янь Хэцин повернул голову и посмотрел на ливень за окном — казалось, он отмывал весь мир.

Где-то глубоко внутри всё вдруг перевернулось, вскипело. Всё, что он ел, перемешанное с желудочным соком, хлынуло к горлу.

Он вскочил и бросился в туалет. Пустой туалет. Он опёрся на раковину, уткнулся в неё лицом и вытошнил всё до последней капли.

Минуту спустя, отдышавшись, он набрал воды, прополоскал рот, умылся холодной водой.

На дворе — глубокая осень, холод пронизывает до костей. А на нём всего лишь тонкая толстовка.

Он поднял голову. В зеркале — бледное до болезненности лицо. Щёки чуть впали, под кожей не было ни капли мяса.

Ледяные капли стекали по редкой чёлке, медленно скатываясь в глаза.

Светло-карие, с золотистыми искорками глаза от влаги заблестели. Удлинённый разрез, чуть приподнятые уголки, взгляд — кроткий, чистый, с естественной грацией. Несмотря на истощение и измождённость, эти лисьи глаза всё ещё оставались поразительно красивыми и яркими.

Янь Хэцин поднял руку — худые, как бамбуковые сучья, пальцы медленно коснулись его глаз.

В памяти всплыл отрывок из книги: Лу Мучи подушечками пальцев медленно провёл по глазам Янь Хэцина. Голос — обволакивающе мягкий: “Ты ведь согласишься, правда?”

Глаза Янь Хэцина заблестели от слёз. Он до смерти боялся, умоляюще просил: “Нет... я... я не могу остаться без глаз...”

Лу Мучи подумал о Линь Фэнчжи, который сейчас рыдает, и у него лопнуло терпение. Он резко схватил Янь Хэцина за волосы и дёрнул вверх.

“А-а-а!” — врасплох застигнутый Янь Хэцин был вынужден запрокинуть голову, закричал от боли: “Больно... Лу Мучи, отпусти, пожалуйста...”

“Чжичжи (Линь Фэнчжи) больнее, чем тебе!” — ответил Лу Мучи и усилил хватку.

Янь Хэцину казалось, что Лу Мучи сейчас вырвет у него кожу с головы — боль была невыносимой. Но вдруг боль исчезла.

Взор его поднялся вверх — он смотрел на хрустальную люстру под потолком.

Слепящий свет. Ослепительное сияние.

Лу Мучи — исчез.

Он с трудом повёл глазами: “Лу Мучи... я... позволь мне взглянуть на тебя...”

Он пытался вымолить у него хоть каплю жалости.

Лу Мучи холодно усмехнулся: “А ты достоин? Янь Хэцин, не забывай, ты — вещь, которую я купил за девять миллионов. И не то что глаза, если я скажу тебе умереть, ты обязан умереть”.

Слёзы хлынули из глаз. Янь Хэцин предпринял последнюю отчаянную попытку: “Почему обязательно мои глаза?..”

Лу Мучи склонился к его уху и прошептал, как дьявол: “Потому что ты — родной брат Чжичжи. У вас одна кровь. У него всё лучше приживётся”.

\*

“Ургх...”

Янь Хэцина снова вырвало.

Хотя в животе у него уже давно ничего не осталось.

Линь Фэнчжи. Его младший брат.

Единственный родной человек, чьё имя он ещё десять минут назад не знал, но о котором так сильно тосковал.

Когда они были маленькими, родители погибли. Никто не захотел брать на воспитание сразу двоих детей и их отправили в детдом.

Спустя несколько месяцев пришла семья — добрые, обеспеченные супруги, чтобы усыновить ребёнка. Они выбрали Янь Хэцина. Но он, пока взрослые оформляли документы, спрятался так, что его никто не смог найти.

Поздно ночью он вышел из укрытия — и, как он и ожидал, забрали его брата.

Прости меня, брат.

Маленький Янь Хэцин рыдал навзрыд, утирая слёзы, и втайне поклялся: он обязательно будет хорошо учиться, много зарабатывать и однажды найдёт брата.

Позже его усыновили другие и стали над ним издеваться. Но он всё равно оставался жизнерадостным и полным надежды.

Потому что знал — где-то его ждёт брат.

С начала средней школы он начал подрабатывать в свободное время. На сегодняшний день он скопил пятьдесят тысяч юаней.

Ещё вчера он строил планы — как зимой, на каникулах первого курса, отправится искать брата.

Но...

Даже если это ты — ты всё равно не имеешь права забрать мои глаза.

Тем более непростительно, что в итоге ты, глядя моими глазами, провёл с Лу Мучи всю жизнь в любви.

Горячие слёзы хлынули из глаз.

Янь Хэцин не вытирал их — это был его последний раз, когда он плакал. Он выплакал всю свою слабость, все чувства.

С этого момента он больше не станет плакать.

Адвокат, вернувшись после согласования, окинул взглядом его поношенную, тонкую одежду и с улыбкой сказал: “Господин Янь, мой босс сказал, что если вы недовольны суммой — не стесняйтесь, озвучьте свои условия”.

Янь Хэцин не выразил ни согласия, ни отказа. Он встал и слегка поклонился с вежливостью.

“До свидания”.

Не обращая внимания на растерянный взгляд адвоката, он сам оплатил свою чашку кофе и вышел из кафе.

Раньше Янь Хэцин скорее промок бы под дождём, чем потратил лишние деньги.

Но сегодня он зашёл в магазин у дома.

Он подошёл к полке с едой, серьёзно выбрал маленький тортик, затем взял с вешалки большой чёрный зонт.

На кассе Янь Хэцин достал из кармана аккуратно сложенную купюру.

Итого — 98 юаней.

Самая роскошная трата в его жизни на данный момент.

Съев торт прямо в магазине, Янь Хэцин вышел на улицу. Дождь лил как из ведра, ни машин, ни прохожих — так холодно, что все попрятались в близлежащих магазинах.

Один лишь Янь Хэцин раскрыл зонт. Его стройная, тонкая фигура без колебаний растворилась в ливне.

“С новым рождением, Янь Хэцин”.

Сказал он сам себе.

\*

В то же самое время.

В особняке семьи Линь — роскошь и блеск, тепло словно весной, всё завалено красиво упакованными подарками.

Слуга выкатывает трёхъярусный большой торт, каждый ярус украшен спелой, сладкой клубникой.

“С днём рождения тебя, с днём рождения тебя, с восемнадцатилетием тебя, дорогой Фэнчжи!” — поют в гостиной.

Линь Фэнчжи окружён друзьями и родственниками, которые поздравляют его с совершеннолетием.

Сегодня на Линь Фэнчжи надет молочно-белый тонкий свитер, мягкие чёрные волосы, нежно-розовые губы — словно маленький принц из сказки.

Тёплый пол слишком греет и на белоснежном лице Фэнчжи проступает румянец.

Лу Мучи смотрит, не в силах отвести глаз.

“Чжичжи”, — мягко говорит он, лично зажигая свечи на торте: “Загадай желание и задуй их”.

Родители с любовью гладят Линь Фэнчжи по голове: “Можно загадать целых три желания”.

Линь Фэнчжи складывает ладони и искренне закрывает глаза.

Сладко загадывает про себя:

“Первое желание — чтобы дядя Лу Линь был здоров.

Второе — чтобы дядя Лу Линь всегда был счастлив.

Третье...” — уши Фэнчжи моментально заливаются краской: “...чтобы дядя Лу Линь полюбил меня!”

<http://bllate.org/book/15726/1407415>